

DOI: 10.15643/libartrus-2022.4.6

Фонетико-семантические особенности сунтарского говора якутского языка (на материале «Якутско-русского тематического словаря» М. Н. Тимофеева-Терешкина, 1950 г.)

© Е. Р. Николаев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Республика Саха (Якутия), 677027 г. Якутск, улица Петровского, 1.*

Email: 1953307@mail.ru

Целью исследования является описание диалектных фонетико-семантических особенностей лексики сунтарского говора на материале тематического якутско-русского словаря М. Н. Тимофеева-Терешкина (1950). В работе были использованы описательный метод с применением фонетического анализа, интерпретация семантики лексем. Введен в научный оборот ранее не опубликованный двуязычный тематический словарь М. Н. Тимофеева-Терешкина. Из словаря была сделана выборка диалектных слов. Рассмотрены фонетические соответствия, относящиеся во многом к олекмо-вилюйской диалектной зоне. Выявлены диалектные признаки, не являющиеся типичными для сунтарского говора. Определена семантика диалектных наименований мастей коровы и лошади, отдельных диалектных единиц. Обнаружены новые диалектные слова (кэбэ лонгуйар, кэбэ кулгааба), ранее не отмеченные в диалектологических словарях.

Ключевые слова: якутский язык, якутская диалектология, сунтарский говор, диалектная зона, Тимофеев-Терешкин.

В последние годы отдел якутского языка активно ведет работу по проектам, включенным в перечень мероприятий Государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы»¹, которые нацелены на совершенствование условий и расширение сфер функционирования якутского языка, а также на внедрение информационных технологий в изучение, документирование и сохранение языкового, литературного и культурного наследия народов Республики Саха (Якутия). В данную программу включено направление «Организация и проведение фольклорно-лингвистических, социолингвистических экспедиций по мониторингу состояния языка саха», которое подразумевает также введение в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов, содержащих диалектную лексику в качестве текстовых данных диалектного корпуса якутского языка.

Актуальность данной работы заключается в материале исследования – это неопубликованный «Сахалыыттан-нууччалыыр тематиканан тылдьыт = Якутско-русский тематический словарь» М. Н. Тимофеева-Терешкина 1950 года [28], который может содержать ценные языковые сведения – диалектные слова, не включенные в диалектологические словари, дополнительные данные о сунтарском говоре и т.д.

¹ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. №472 «О Государственной программе Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)».

Цель данного исследования заключается в описании диалектных признаков сунтарского говора на материале «Сахалыыттан-нууччалыыр тематиканан тылдыт = Якутско-русского тематического словаря» М. Н. Тимофеева-Терешкина (1950 г.) с позиции фонетических и семантических особенностей.

Основными задачами являются: ввести в научный оборот диалектные материалы «Сахалыыттан-нууччалыыр тематиканан тылдыт = Якутско-русский тематический словарь» М. Н. Тимофеева-Терешкина 1950 г.; выявить диалектные фонетические соответствия; определить семантику диалектных слов.

Методы. В работе были использованы описательный метод с применением фонетического анализа, а также интерпретация семантики лексем, сопоставление с картографическими и лексикографическими данными.

Якутская диалектология в настоящее время находится на достаточно высоком уровне: исследованы и описаны практически все зоны говоров, составлены карты их распространения, выявлены основные фонетические соответствия, определена семантика лексем, составлены диалектологические словари [8, 14–16]. Северо-восточная, центральная, северо-западная группа говоров якутского языка были представлены в соответствующих научных монографиях, которые подробно описывают те или иные особенности, присущие этим зонам. Олекмовильская диалектная зона (вилюйский, верхневильский, нюрбинский, сунтарский включая мирнинский, олекминский, ленский говоры), хотя и подробно изучена, пока не имеет опубликованного научного издания, представляющего собой всю картину взаимосвязи говоров этой зоны. Этой проблемы коснулся и диалектолог, автор ряда монографий М. С. Воронкин: «В монографии „Вильюйская группа говоров якутского языка“ дано систематическое описание сунтарского, нюрбинского и собственно вильюйского говоров. Если на северо-западе каждый административный район совпадает с определенной диалектной единицей (говором), то в этой зоне дело обстоит иначе. На территориях Мирнинского и Сунтарского административных районов обнаруживается в принципе единый сунтарский говор. Такая же картина наблюдается с вильюйским говором, выявленным на территориях двух соседних районов – Вильюйского и Верхневильюйского (хотя исторически единого). Этой работой завершилось монографическое описание западного диалектного ареала якутского языка» [7; 8, с. 13].

Характерными признаками сунтарского говора являются [16, с. 41, 42]:

- употребление усилительно-просительной формы повелительного наклонения: *барыый* – ‘иди же, пожалуйста’;
- употребление долгих гласных в основах *анаар* ‘половина, анаардас одинокий’, *чаай* ‘чай’, *табаах* ‘табак’, *киэһээ* ‘вечер, вечером’;
- преимущественное использование твердорядных вариантов слов: *сырай* вм. *сирэй* ‘лицо’, *ньырай* вм. *ньирэй* ‘теленок’;
- употребление вариантов *үчэһэ* вм. *үтэһэ* ‘рожон, вертел’, *ичигэстээ* ‘собирать, выбирать (например, ягоды)’ вм. *итигэстээ*;
- регулярное использование долгих *-нн-* в орудном падеже: *сааннан* вм. *саанан* ‘ружьём’, *ууннан* вм. *уунан* ‘водой’;
- регулярное употребление *д*-вариантов слов, где устанавливается фонетическое соответствие *т~д*: *дайар* ‘разбегается, размахивая крыльями, собираясь взлететь (о птицах)’, *дөйөр* ‘оглушается’, *хайдах* ‘как, каким образом’ и т.д.

В рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН хранится более 20 единиц архивных документов различного характера (отчеты, вопросники и т.п.), содержащие сведения о диалектологических

экспедициях в Сунтарском районе (впоследствии – улусе) в период с 1950 по 1980 год. Среди них имеются неопубликованные документы, из которых достоин внимания и не потерял своей актуальности в плане содержания «Сахалыыттан-нууччалыыр тематиканан тылдыт = Якутско-русский тематический словарь» М. Н. Тимофеева-Терешкина (1950) [28].

Вкратце расскажем об авторе словаря. Михаил Николаевич Тимофеев родился 4 декабря 1883 г. во 2-м Нерюктяйском наслеге Сунтарского улуса в семье потомственного купца. В 1900 г. окончил Якутское духовное училище и поступил в Якутскую духовную семинарию. Работал учителем в Кутанинской и Шеинской церковно-приходских школах. 28 января 1906 г. он обвенчался с приемной дочерью улусного головы, купца и мецената Георгия Терешкина, фамилию которого он взял как двойную. В 1916 г. был избран головой Сунтарского улуса. В 1917 г. избран делегатом Сунтарской земской управы. В 1934 г. вследствие болезни полностью теряет зрение. После тяжелой и продолжительной болезни М. Н. Тимофеев-Терешкин в октябре 1957 скончался в г. Ангарске Иркутской области. М. Н. Тимофеев-Терешкин был известным поэтом, занимался сбором этнографического материала, фольклора. Произведения М. Н. Тимофеева-Терешкина начиная с 1939 г. переводились на русский язык, печатались в газетах «Кыым», журнале «Якутские зарницы», «Восточно-Сибирская правда», «Социалистическая Якутия», в журнале «Сибирские огни» и в альманахах «Новая Сибирь» и «Дружба народов». Как член Русского географического общества он участвовал в поисках останков мамонта в бассейне речки Конхар. Вторым направлением его научной деятельности стал сбор устного народного творчества. В первую очередь нужно отметить его работу «Приметы якутов Сунтарского улуса о погоде», которая содержит много терминов по народной метеорологии и астрономии. Остальные записи можно сгруппировать в три группы: о прародительнице вилюйских якутов Джаардаахе, о происхождении шорохинских якутов и о якутском разбойнике Василии Манчары. В двадцатых годах Тимофеевым-Терешкиным был собран обширный материал, который лег в основу экономико-этнографических обзоров «Вилуйский округ» и «Колымско-Индибирский край». Касаемо якутского языка имеется его наблюдение: «...говор якутов верхнего и среднего течения реки Вилюя, наиболее удаленных от основной массы якутов ленской долины, имеет много сходства с говором кангаласцев и колымчан, и этот говор надо считать за коренное якутское наречие. Словарь Порядина, взятый Пекарским за основу своего словаря, составлен Порядиным в Вилуйске (в Нюрбе и Сунтаре), в бытность его Сунтаро-Нюрбинским участковым, таким образом, в основу словаря Пекарского легло коренное якутское наречие» [29, с. 137–138]. Таким образом, перед нами образованный человек своего времени, имевший компетентное представление не только о якутском языке, но и об основных отличиях якутских говоров в целом.

Словарь М. Н. Тимофеева-Терешкина включает 1815 слов, был написан от руки и перепечатан на печатной машинке на 66 листах. Состоит из 13 глав, раскрывает практически весь спектр жизнедеятельности якутов и окружающий живой и неживой мир. Главы содержат такие тематические группы: 1 глава. Киһи – человек. 2 глава. Кыыллар – дикие звери и животные. 3 глава. Көтөрдөр – птицы. Мас көтөрө – боровая птица. Улахан көтөр, уу көтөрө – водоплавающая, болотная птица. 4 глава. Сир сидьиннэрэ, үөннэр-көйүүрдэр – пресмыкающиеся, насекомые, паразиты. 5 глава. Балыктар – рыбы. 6 глава. Мастар уонна отоннор – деревья, ягоды. 7 глава. Ынах сүөһү – рогатый скот. 8 глава. Сылгы сүөһү – конный скот. 9 глава. Таба сүөһү – оленный скот. 10 глава. Кыра сүөһү – мелкий скот. 11 глава. Оттор – трава. Сүөһү сиир от – кормовые травы. Ол-бу от, сибэкки – сорные травы, цветы. 12 глава. Сүөһү көлүүрүгэр

туттуллар сэп-сэбиргэл – упряжь и прочая. 13 глава. Туттар сэп-сэбиргэл – орудие производства и лова.

Фонетические признаки

Соответствия гласных звуков являются признаками говора, которые можно определить на слух при простом общении или выявить в письменных текстах носителей говора. Данный словарь содержит типичные, классические примеры олекмо-вилюйской диалектной зоны, которые с высоты достижений якутской диалектологии можно интерпретировать следующим образом:

соответствие ы~и: *сырай~сирэй* (здесь и далее первое слово – из Словаря М. Н. Тимофеева-Терешкина), *кыгынайыы~кингинэйи*. Присутствие или твердорядного ы, или мягкорядного и является характерными диалектными признаками якутского языка. С. А. Иванов определяет, что «твердорядный вариант *сырай* характерен для периферийных говоров якутского языка» [16, с. 15], к которым относится сунтарский говор;

соответствие ы~а: *быччырай~быччархай*, *харылҕан~харалҕан*, *дабырхай~дабархай*, *хабырҕа~хабарҕа*. Здесь мы видим, скорее всего, вариативное употребление, свидетельствующее о развитии негубных гласных в двух- и более сложных словах и их фиксации в локальных словоупотреблениях. Данное соответствие происходит только с участием гласных ы и а. Как показывает картографирование, произношение исключительно с корневым широким гласным а характерно для говоров центральной и северо-восточной диалектных зон. В говорах олекмо-вилюйской диалектной зоны предпочтителен вариант с корневым узким гласным ы [16, с. 13];

соответствие ө~э: *дьөйбүүр~дэйбиир* ‘махалка из конского волоса для отпугивания комаров’. Данное слово служит «одним из основных признаков для различения акающих и окающих говоров якутского языка. <...> Возникновение вариантов *дэйбиир~дөйбүүр*... связано с образованием в этих основах долгих гласных и дифтонгов на базе стяжения звуковых сочетаний – *эгү, -өгэ*» [14, с. 167]. В настоящее время вариант *дэйбиир* принят в качестве нормы литературного языка;

соответствие ө~о: *сүгэ ончоҕо~сүгэ өнчөҕө*. Варьирование передних-задних гласных имеет диалектный характер (*чөчүө~чочуо* ‘деготь’, *бөчөөх~бочоох* ‘небольшой карась’) [12, с. 24]. В ДАЯЯ отмечается, что употребление формы *өнчөх* «противоборствует варианту *ончох*, в особенности в говорах центральной, олекмо-вилюйской диалектных зон» [16, с. 19], но М. С. Воронкин отмечает, что *өнчөх* является устоявшейся формой и *ончох* произносится гласным заднего ряда в виде исключения из правил (*күрдьэх~курдьах, өнчөх~ончох*) [9, с. 50];

соответствие краткого и долгого гласных: *ынах эмийэ* вм. *ынах эмиийэ*, *кыптый* вм. *кыптыый*. В словаре зафиксировано необычное употребление краткого гласного вместо долгого гласного. В материалах ДАЯЯ такое явление отмечается преимущественно в говорах северо-восточной диалектной зоны [16, с. 21]. Интересно, что именно в сунтарском говоре часто отмечается долгота в последнем слоге: *ханккыы* вм. *ханккы* ‘коньки’, *чаһыы* вм. *чаһы* ‘часы’ и т.д. Таким образом данную краткость гласных можно определить как исключение для сунтарского говора.

Фонетические соответствия в области консонантизма тоже могут быть репрезентативными и послужить для выявления типичных и не типичных признаков того или иного говора:

соответствие т~д: *толоҕой~долоҕой* ‘спинной мозг’, *даллан куоҕас~таллан куоҕас* ‘гара полярная’. Диалектное картографирование говорит о том, что начальное *д* употребляется

повсеместно, но в северо-восточной диалектной зоне отдается предпочтение начальному *m* с колебаниями *m~d* [9, с. 26]. Словарь показывает, что в сунтарском говоре начальные *m* и *d* используются вариативно;

соответствие *m~b*: *эмиллэ~ээбиллэ* 'савка'. Устойчивость употребления *b* в интервокальной позиции фиксируется в центральной, северо-восточной зонах (например, *кэлибэ* 'не приходи'), а в олекмо-вилюйской и северо-западной зонах – *m* (например, *кэлимэ* 'не приходи');

соответствие *g~f*: *табагай~табаҕай* 'кисть', *эрдэгэс уол~эрдэҕэс уол* 'подросток', *бөтө-гөтө~бөтөҕөтө* 'желудок (птицы)', *абааһы ылаага~абааһы лыаҕа* 'сумеречница (бабочка)'. Считается, что данное соответствие сохранилось в тех говорах, которые были более всего подвергнуты субстратному влиянию эвенкийского (или эвенского) языка. Сунтарский говор подпадает под данное определение [9, с. 74];

соответствие *дь~нь*: *дьилбэк~ньилбэк* 'мышцы верхней поверхности бедра'. Данное явление «противоречит» общеизвестному положению о том, что в сунтарском говоре в начале слова преимущественно употребляется *ч* – *чаалбаан* [16, с. 24]. Стоит только отметить, что соответствие *дьилбэк~ньилбэк* включено в ряд основ (более 20 основ), рассмотренных якутским фонетистом Н. Д. Дьячковским: *дьансай~ньансай* 'много говорить (убеждая, внушая)', *дьимий~ньимий* 'смыкаться, сжиматься (о губах)', *дьэндьий~ньэнньий* 'обыскивать, производить обыск', *дьэнкир~ньэнкир* 'прозрачный, просвечивающий' [13, с. 92–93]. Несмотря на распространенность этого соответствия, следуя анализам Н. Д. Дьячковского и С. А. Иванова, предварительный вывод таков: причина вариации кроется в комбинаторной назализации начального *дь* или *нь*;

соответствие *хх~х*: *удьунҕах~удьунах* 'ягодицы', *хаххыйах~хахыйах* 'молодая поросль березы'. Диалектальный удвоенный *хх* часто обнаруживается в основах с одинарным *х*: *хаххай~хахай* 'лев', *чохху~чоху* 'водяной жук', *көххө~көхө* 'крючок' [17, с. 262]. Геминизация согласных является отличительной чертой центральных, северо-восточных диалектных зон. В сунтарском говоре, как представителю олекмо-вилюйской зоны, отмечается употребление *диэкки* вм. *диэки* 'в сторону', которое, возможно, возникло «как средство устранения открытых слогов или в целях обеспечения качественной устойчивости согласных в интервокальном положении» [17, с. 263]. Тем самым *удьунҕах*, *хаххыйах*, *диэкки* могут быть произношением одного характера;

соответствия *лҕ~лг*, *рт~лт*, *н~к*: *кулҕаах~кулгаах* 'ухо', *хартана~халтана* 'веки', *лоонуут~лоокуут* 'улит большой'. Возможно, это те редкие примеры дистактной ассимиляции согласных, когда рядом стоящий согласный, подвергаясь воздействию другого, образует диалектное произношение литературно-нормативной лексемы. М. С. Воронкин приводит ряд примеров дистактной ассимиляции: *к~н*: *чөкөчөк~чөҥөчөк* 'пень', есей, *л~р*: *кылдал~кырдал*, 'возвышенность среди поля', есей, *Киргиэлэй~Килгиэлэй* 'Григорий', чур и т.д. [9, с. 123];

соответствие *йл~лдь*: *хойлук~хоолдьук* 'затылочный бугор'. Диалектологи допускают, что, возможно, это один из примеров сохранности древней формы, например, *оойноо~оонньоо* 'играй', *хойно~хоонньо* 'пазуха (его)' [9, с. 104], которая изредка проявляется в разных говорах;

соответствие *н~н* в конце слова: *кутан~кутан* – цапля. Такой переход часто встречается почти во всех говорах якутского языка, восходит к древнетюркскому языку (*диринг~дирин* 'глубокий') [17, с. 215]. В очерках по фонетике говоров якутского языка отмечается, что данное соответствие присуще центральным и северо-восточным зонам (*күрэнг=күрэн* 'бурый', *сордонг=сордон* 'щука'), в остальных диалектных зонах встречается крайне редко [9, с. 81];

соответствие нь~й: *тыйаах~тыньаах* 'связь', *куньаха~куйаха* 'кожа головы', *кулбаах эмийнэбэ~кулгаах эминньэбэ* 'мочка уха'. Соответствие *н~нь~j* (носовой *й*)~*й* в якутских говорах стало возможным в результате превращения переднеязычного смычного носового сонанта *н* в среднеязычной носовой смычный сонант *нь*, который, теряя смычность, переходит в среднеязычный щелевой сонант *j* (носовой *й*), а последний дает чистый *й*, лишенный назальности: *куйаас~куньяас* 'жара', *тыйыс~тыньыс* 'крепкий, жестокий, суровый', *киниит~киньиит~кијиит~кийиит* 'невестка, невеста' [17, с. 220, 221]. Это соответствие наблюдается во многих говорах;

соответствие н~г: *сынгынах~сыгынах* 'валежник'. Такое варьирование широко распространено в якутском языке, основано «на назализации *г*, или, наоборот, деназализации *н* вследствие диссимиляции» [13, с. 100], которое можно отнести к диалектным, так как литературный вариант правописания приемлет основу с *г*;

соответствие н~н: *ингнэ~иннэ*. Внутри основы встречается в единичных случаях (*маннай* 'вначале, сначала, сперва', *кыгнай* 'наклонять голову набок', *наннай* 'быть низким, приземистым', *ногной* 'быть крохотным, малюсеньким и полным', *ингнэй* 'накреняться, наклоняться набок' и т.д.). В есейском, янском говорах фиксируется диалектный вариант *ингнэ*, который близок древнетюркской лексеме *jīngñä*, т.е. древняя форма осталась неизменной [9, с. 82]. Есейский говор, как и сунтарский, относится к западному диалектному массиву, тем самым можно допустить территориальную связь присутствия этого произношения в обоих говорах;

соответствие х~к: *туоһакталаах, чампараактаах*. Имеет субстратный характер, образовавшийся под влиянием эвенкийского языка, когда проточные *х, ɣ* заменяются смычными *к, г*. Данный факт подтвержден материалами трудов якутских диалектологов Е. И. Коркиной, П. П. Барашкова, П. С. Афанасьева, С. А. Иванова [8, с. 78]. Здесь мы также видим пример регрессивной ассимиляции *мп~пп*: *чампараактаах~чампараактаах*. В якутском языке ассимиляция (и прогрессивная, и регрессивная) согласных является распространенным явлением. М. С. Воронкин отметил редкие случаи регрессивной ассимиляции в говорах: *мп~пп*: *чүөмпэ~чүөппэ*, татт., *хч~кч*: *хаппахчы~хаппаччы*, ойм. и т.д. [9, с. 117], к которым можно также отнести данное соответствие.

Лексика масти скота

Сунтарский улус издревле является сельскохозяйственным. М. Н. Тимофеев-Терешкин исследовал данную тематику: «В прежние времена основное занятие населения края составляло скотоводство с подсобными к нему занятиями – рыболовством и охотой. С уменьшением звериных и рыболовных угодий, скотоводство стало играть доминирующую роль в хозяйстве края» [29, с. 163]. Этот факт, без сомнения, послужил разнообразию скотоводческой лексики сунтарского говора. Стоит отметить разнообразие цветообозначения коровы и лошади. В словаре зафиксированы 19 мастей коровы, из которых большинство являются общеякутскими. Рассмотрим семантику обозначения мастей, которые можно воспринять как узколокальные диалектные цветообозначения коровы:

бүөрдээх – с отметиной по вздошной части, от *бүөр* 'почка', букв. с почкой, с пятном в форме почки;

хаастаах – с белыми каймами над глазами, от *хаас* 'бровь', букв. с бровями;

хоболоох кутуруктаах – с белым хвостивым волосом; от *хобо* 'белая кисточка на конце хвоста животных' [4, с. 495]. Данное обозначение опосредованно представляет форму *хобо* колокольчика или бубенчика для скотины [4, с. 495];

элэмэс – белоногая. *Элэмэс* употребляется для обозначения пегости масти оленей или лошадей, а также пестрой масти рогатого скота. В якутской колоративной лексике *элэмэс* чаще используется для обозначения масти лошади: *буулур элэмэс* ‘чалопегая’, *сур элэмэс* ‘мышастопегая’, *хара элэмэс* ‘вороно-пегая’ [6, с. 194, 195], *кугас элэмэс* ‘пегий, пестрый, с рыжими пятнами’ [1, с. 427], *күөх элэмэс* ‘серо-пегий, сиво-пегий’ [2, с. 78]; *кыталык элэмэс* ‘лошадь белой масти с белой до колен ногами’ [2, с. 385], *тураҕас элэмэс* ‘рыже-пегий’ [5, с. 159]. *Элэмэс* ‘белоногая’ скорее всего узколокальное значение, выражающее отличительные внешние черты на фоне основной масти – цвета, в нашем случае, ног. В рукописи этимологического словаря якутского языка *элэмэс* раскрывается как якут. *ала* ‘пестрый, пегий’ ~ др.-тюрк. *ала* 1) ‘больной ложной проказой (~песью, витилиго)’; 2) ‘ложная проказа, витилиго, песь’ и чув. *оламас* ‘полосатый’ < *ола* ‘пестрый’ + *-мас* (увеличительный аффикс) [23, с. 375]. Судя по всему, *элэмэс* можно сопоставить с тюрк. *ала* ‘разноцветный, пегий; неодинаковый’ [25, с. 66], где доминантным значением является разноцветный;

чуккулаах – белоногая, от рус. *чулки*, букв. в чулках. Является поздним заимствованием из русского языка;

моонньогон ала – с белой шеей и плечом. Скорее всего, здесь мы видим ассоциативно-метафорическое обозначение, исходящее от названия утки с пестрой шеей *моонньофон* ‘шилохвост’.

Из 40 лексем, обозначающих масти лошади, мы выявили диалектные наименования оттенков мастей (подмасти) лошадей, семантика которых достаточно прозрачна:

тимир көҕөччөр – светлосивая, от сущ. *тимир* ‘железо, железный’, букв. синевато-серый;

туой күрэн – гнедобурый, от сущ. *туой* ‘глина’, букв. цвет глины;

туос кугас – светло-рыжий, от сущ. *туос* ‘береста’, букв. цвет внутреннего слоя бересты;

ардайдаах сиэллээх – грива со смесью волос другого расцветка, от сущ. *ардай* ‘промежуток’;

баһырҕастаах бууттаах – с темной шерстью на бедрах, от сущ. *баһырҕас* ‘короткая летняя обувь (кожаная), которая впоследствии перешла на обозначение подмасти: белые ноги, «белые чулки»’ (у скота, собак);

дьайалаах кутуруктаах – со смесью белых волос на хвосте, белоногая; *дьайаа* ‘пятно (обычно на лопатке у лошадей)’ [30, с. 286];

мөнгүлтэйдээх – с лысиной на ноздрях; *мөнгүттэй* ‘белый пигмент, пятно на храпе лошади’ [3, с. 320];

моонньофон ала – с белой шеей и плечом.

Большинство сложных мастей образуются с помощью аффикса принадлежности *-лаах* (*-таах*, *-дээх*, *-тээх*). Некоторые сложные цветообозначения являются составными терминами (*моонньофон ала*, *туой күрэн*, *туос кугас*), построенными на примыкании. Такие термины обозначают в основном «исконные конкретно-предметные понятия животного, растительного мира, хозяйственной и культурной деятельности народа саха» [22, с. 38, 39].

Масти коров и лошадей имеют доминантный компонент (цвет), который уточняется или вычленяется дополнительным компонентом – пятном, полоской, выделяющейся на фоне основной масти. То есть количество основных мастей всегда неизменно, а подмастей и ее оттенков достаточно много, чтобы иметь возможность отличить свою корову или лошадь от чужих. Тут, скорее всего, важен субъективный фактор, лежащий в основе принципа или мотива номинации, действующей в рамках языковых традиций, например, антропонимической – «именование по внешнему облику, по отличительным чертам или качествам» [21, с. 140].

Лексика окружающего мира

В Словаре присутствуют также такие диалектные слова, употребляющиеся крайне редко, во многом утратившие свою бытность в речи:

хаакы – грач; в ДСЯС: *өрт турааҕа* ‘грач’ [10, с. 212]. Возможно, это усеченный вариант заимствованного эвенкизма *кукаакы*: *кукākī*, *кукэкī* ‘сойка’ [19, с. 310, 311];

киэбэ – волк; в ДСЯЯ: 1. *киэбэ*, *киэбэндэ*, *киэбэнтый*, *киэра*, сакк. *эһэ* ‘медведь’; 2. верх. *эһэ*, *бөрө* ‘медведь, волк’; 3. усть-ян. *үрүҥ эһэ* ‘белый медведь’ [11, с. 114], *хотугу бөрө* ‘тундровый волк’ [26, с. 59]. У А. Е. Кулаковского данное слово включено в один ряд с «бөрө, кутуруктаах аһыылаах, уһун кутурук, киэбэ – волк (*Kanis lupus* L)» [18, с. 102], т.е., наиболее вероятно, что оно является довольно распространенным эвфемизмом в периферийных говорах, обозначает хищное животное. Данная лексема требует более углубленного рассмотрения на предмет заимствования из тунгусо-маньчжурских языков [27, с. 82];

айдаар – кабан; в ДСЯЯ: Нем. *кабан*, *тороху* ‘кабан’ [11, с. 42]. В урмийском говоре бурейско-урмийско-амгунского диалекта эвенкийского языка: *айдар* ‘кабан-самец’ [19, с. 30];

илбэнэ – енотовидная собака; в ДСЯЯ: *илбэнээ*, амур. ‘енотовидная собака’ [11, с. 105]. Этимолог Г. В. Попов возводит к калм. *илвнэ* (*илвенгэ*) ‘енот’; монг. *элбэнх* ‘енот’ [24, с. 103];

арҕаа билир – зуб мудрости; в ДСЯС: *арҕаа билир*, Бод., сад., сунт. ‘зуб мудрости’ [10, с. 42], от *арҕаа* ‘запад’, букв. западный зуб мудрости;

кэбэ кулгааҕа – пострел (орфография по Словарю), подснежник. В Сунтарском улусе произрастает прострел или сон-трава фиолетового цвета, воспринимаемый и называемый в народе как первоцвет подснежник – *ньургунун*: 1. *кэбэ кулгааҕа* – растение с сине-фиолетовым цветком, обозначаемое в общеякутской лексике как *ньургунун* ‘подснежник’ (по номенклатуре – прострел); 2. *кэбэ кулгааҕа* – ветреница лесная (*сылгы ньургунуна*) [20, с. 2022]. Данный диалектный фитоним отмечается в нюрбинском говоре, которые также относится к олекмо-вилюйской диалектной зоне;

лонуйар – кукушка кукует. В диалектологических словарях якутского языка не зафиксировано. Литературный вариант – *кэбэ этэр* ‘кукушка кукует’, букв. кукушка говорит. Семантику *лонуйар* можно определить как звукоподражающий глагол: *лон* ‘подражание однократному гулкому звону, возникающему при ударе в какой-либо большой полой предмет (напр. в колокол)’, *лонкунаа* ‘издавать сильный гулкий звон, гулко звенеть, гудеть’ [3, с. 117].

Обычно причинно-следственные связи образования наименования предмета кроются в метафорическом способе называния, например, по схожести внешнего облика – *хоболоох кутуруктаах* – по форме пятна, *туой күрэн* – по цвету. Иногда включается эвфемистический характер именования. Стоит признать, что мотивация диалектных номинаций во многом имеет затемненный, неясный характер.

Заключение

Исследование в рамках статьи позволило установить следующее:

- определены фонетические соответствия, относящиеся к типичным признакам олекмо-вилюйской диалектной зоны – сунтарского говора: соответствия гласных: ы~и: *сырай~сирэй*, ы~а: *быччырхай~быччархай*, ө~э: *дьөйбүүр~дэйбиир*, ө~о: *өнчөх~ончох*; соответствия согласных: т~д: *толоҕой~долоҕой*, м~б: *эмиллэ~эбиллэ*, г~ҕ: *табагай~табаҕай*, х~к: *туоһакталаах, чампараактаах*, н~н: *иннэ~иннэ*, нь~й: *тыйаах~тыһаах*;

- выявлены фонетические соответствия, распространенные в других диалектных зонах, но проявляющиеся в сунтарском говоре в качестве взаимопроникновения ареалов говоров: йл~лдь: *хойлук~хоолдьук*, н~н в конце слова: *кутан~кутан*, лб~лг: *кулбаах~кулгаах*, рт~лт: *хартаһа~халтаһа*, н~к: *лоонуут~лоокуут*, хх~х: *удьунгах~удьунгах*, дь~нь: *дьилбэк~ньилбэк*;
- установлены диалектные наименования мастей коровы и лошади, относящиеся к сунтарскому говору (*тимир көбөччөр*, *туой кугас* и т.д.), которые можно определить как расширение семантики основной масти путем образования нового обозначения подмасти с помощью аффикса принадлежности (*-лаах*) и способом примыкания;
- выявлен новый диалектный фитоним *кэбэ кулгааба* 'сине-фиолетовый прострел', основной ареал произрастания которого совпадает с олекмо-вилюйской диалектной зоной. Также обнаружено составное диалектное слово *кэбэ лонуйар* 'кукушка кукует', ранее не отмеченное в диалектологических словарях.

Таким образом, «Якутско-русский тематический словарь» М. Н. Тимофеева-Терешкина содержит богатый и ценный материал по диалектной лексике наименований животных, растений, масти домашнего скота и т.д. Языковой материал словаря представляет собой картину мира якута-скотовода, который организовал свой быт сообразно окружающему его миру и сохранил его в виде уникального сунтарского говора якутского языка.

Сокращения: амур. – говор амурской области эвенкийского языка; бод. – бодойбинский говор; букв. – буквально; верх. – верхоянский говор; вм. – вместо; ДАЯЯ – Диалектологический атлас якутского языка; др.-тюрк. – древнетюркский язык; ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка; ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха; есей – есейский говор; калм. – калмыцкий язык; монг. – монгольский язык; Ним. – местность Ниман Хабаровского края; ойм. – оймаконский говор; сад. – садынский говор; сакк. – саккырырский говор; сунт. – сунтарский говор; суц. – имя существительное; татт. – таттинский говор; усть-ян. – усть-янский говор; чув. – чувашский язык; чур. – чурапчинский говор; якут. – якутский язык.

Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН №13.ЦКП.21.0016.

Литература

1. *Большой толковый словарь якутского языка: Т. IV: (Буква К)* / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, **2007**. 672 с.
2. *Большой толковый словарь якутского языка: Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ)* / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, **2008**. 616 с.
3. *Большой толковый словарь якутского языка: Т. VI: (Буквы Л, М, Н)* / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, **2009**. 519 с.
4. *Большой толковый словарь якутского языка: Т. X: (Буква Т: т – төһүүлээ)* / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, **2013**. 575 с.
5. *Большой толковый словарь якутского языка: Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ)* / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, **2014**. 528 с.
6. *Большой толковый словарь якутского языка: Т. XV (Буква Э)* / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, **2018**. 575 с.
7. Воронкин М. С. Вилюйская группа говоров якутского языка / РФ АЯНЦ СО РАН. **1980**. Ф. 5. Оп. 12. Д. 245. 351 л.
8. Воронкин М. С. *Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика*. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, **1999**. 197 с.
9. Воронкин М. С. *Очерк якутской диалектологии*. Якутск: Кн. изд-во, **1979**. 244 с.
10. *Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том* / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, **1995**. 296 с.

11. *Диалектологический словарь якутского языка* / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, **1976**. 392 с.
12. Дьячковский Н. Д. *Звуковой строй якутского языка. Ч. 1: Вокализм* / Отв. ред. М. И. Матусевич. Якутск: Якутское книжное изд-во, **1971**. 191 с.
13. Дьячковский Н. Д. *Звуковой строй якутского языка. Ч. 2: Консонантизм* / Отв. ред. М. И. Матусевич. Якутск: Якутское книжное изд-во, **1977**. 255 с.
14. Иванов С. А. *Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. II. Морфология и лексика*. Новосибирск: Наука, **2010**. 178 с.
15. Иванов С. А. *Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. I: Фонетика*. Якутск, **2004**. 128 с.
16. Иванов С. А. Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству // *Северо-восточный гуманитарный вестник*. **2018**. №2(23). С. 56–65.
17. Иванов С. А. *Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика*. Новосибирск: Наука, **1993**. 348 с.
18. Кулаковская А. Е. *Статьи и материалы по якутскому языку*. Якутск: государственное изд-во ЯАССР, **1946**. 150 с.
19. Мыреева А. Н. *Эвенкийско-русский словарь: около 30000 слов*. Новосибирск: Наука, **2004**. 796 с.
20. Николаев Е. Р. Диалектная семантика фитонима кэбэ кулгааҕа 'кукушкины ушки' в якутском языке // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. **2022**. №1(38). С. 89–99.
21. Николаев Е. Р. *Личные имена саха в лингвокультурологическом контексте* / Отв. ред. Н. И. Данилова. Новосибирск: изд-во СО РАН, **2020**. 215 с.
22. Оконешников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии якутского языка: (на материале общей и отраслевой лексикографии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, **2005**. 52 с.
23. Попов В. Г. *Этимологический словарь якутского языка: рукопись. Ч. IV: С–Э*. Якутск, **2020**. 434 с.
24. Попов Г. В. *Слова «неизвестного происхождения» якутского языка: (сравнительно-историческое исследование)*. Якутск: Якутское книжное изд-во, **1986**. 148 с.
25. Попов Г. В. *Этимологический словарь якутского языка*. Новосибирск: Наука, **2003**. 180 с. (Ч. 1: А–Дь).
26. Сивцев Г. Ф. *Сахалыы кылгас тылдьыт = Краткий словарь якутского языка: 3500 кэринэ тыл*. Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-вота, **1979**. 223 с.
27. Слепцов П. А. *Саха тылын историята: саха филологиятын уонна культууратын факультетын устудьуоннарыгар үөрэнэр кинигэ*. Дьокуускай: Изд-во ЯГУ, **2007**. 287 с.
28. Тимофеев-Терешкин М. Н. *Сахалыыттан-нууччалыыр тематиканан тылдьыт = Якутско-русский тематический словарь* (всего 13 глав, 1815 слов). 1950. РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. №71. 66 л.
29. Тимофеев-Терешкин М. Н. *На рубеже двух эпох: мемуары, воспоминания, научные труды, статьи, произведения, письма, документы*. Якутск: Смик-Мастер. Полиграфия, **2013**. 615 с.
30. *Толковый словарь якутского языка* / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, **2006**. (Буквы Г, Д, Дь, И). 844 с.

Поступила в редакцию 15.07.2022 г.

6. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakut-skogo yazyka: T. XV (Bukva E) [Explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. 15 (Letter Э)]*. Ed. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, **2018**.
7. Voronkin M. S. Vilyuiskaya gruppa govorov yakut-skogo yazyka. RF AYANTs SO RAN. **1980**. F. 5. Op. 12. D. 245. 351 l.
8. Voronkin M. S. *Dialektnaya sistema yazyka sakha: obrazovanie, vzaimodeistvie s literaturnym yazykom i kharakteristika [Dialect system of the Sakha language: formation, interaction with the literary language and characteristics]*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaia izdatel'skaia firma RAN, **1999**.
9. Voronkin M. S. *Ocherk yakut-skoi dialektologii [Essay on Yakut dialectology]*. Yakut-sk: Kn. izd-vo, **1979**.
10. *Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha: dopolnitel'nyi tom [Dialectological dictionary of the Sakha language: supplementary volume]*. Comp. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasil'ev. Novosibirsk: Nauka, **1995**.
11. *Dialektologicheskii slovar' yakut-skogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]*. Comp. P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moscow: Nauka, **1976**.
12. D'yachkovskii N. D. *Zvukovoi stroi yakut-skogo yazyka. Pt. 1: Vokalizm [The sound structure of the Yakut language. Pt. 1: Vocalism]*. Ed. M. I. Matusevich. Yakut-sk: Yakut-skoe knizhnoe izd-vo, **1971**.
13. D'yachkovskii N. D. *Zvukovoi stroi yakut-skogo yazyka. Pt. 2: Konsonantizm [The sound structure of the Yakut language. Pt. 2: Consonantism]*. Ed. M. I. Matusevich. Yakut-sk: Yakut-skoe knizhnoe izd-vo, **1977**.
14. Ivanov S. A. *Dialektologicheskii atlas yakut-skogo yazyka (svodnye karty). Ch. II. Morfologiya i leksika [Dialectological atlas of the Yakut language (summary maps). Pt. 2. Morphology and lexis]*. Novosibirsk: Nauka, **2010**.
15. Ivanov S. A. *Dialektologicheskii atlas yakut-skogo yazyka (svodnye karty). Ch. I: Fonetika [Dialectological atlas of the Yakut language (summary maps). Pt. 1: Phonetics]*. Yakut-sk, **2004**.
16. Ivanov S. A. *Severo-vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. **2018**. No. 2(23). Pp. 56–65.
17. Ivanov S. A. *Tsentr'al'naya gruppa govorov yakut-skogo yazyka: Fonetika [Central group of dialects of the Yakut language: Phonetics]*. Novosibirsk: Nauka, **1993**.
18. Kulakovskai A. E. *Stat'i i materialy po yakut-skomu yazyku [Articles and materials on the Yakut language]*. Yakut-sk: gosudarstvennoe izd-vo YaASSR, **1946**.
19. Myreeva A. N. *Evenkiisko-russkii slovar': okolo 30000 slov [Evenk-Russian dictionary: about 30.000 words]*. Novosibirsk: Nauka, **2004**.
20. Nikolaev E. R. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. **2022**. No. 1(38). Pp. 89–99.
21. Nikolaev E. R. *Lichnye imena sakha v lingvokul'turologicheskom kontekste [Sakha personal names in linguocultural context]*. Ed. N. I. Danilova. Novosibirsk: izd-vo SO RAN, **2020**.
22. Okonshnikov E. I. *Lingvisticheskie aspekty terminologii yakut-skogo yazyka: (na materiale obshchei i otraslevoi leksikografii): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Yakut-sk, 2005*.
23. Popov V. G. *Etimologicheskii slovar' yakut-skogo yazyka: rukopis'. Ch. IV: S-E [Etymological dictionary of the Yakut language: manuscript. Pt. 4: C-Э]*. Yakut-sk, **2020**.
24. Popov G. V. *Slova "neizvestnogo proiskhozhdeniya" yakut-skogo yazyka: (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie) [Words of "unknown origin" of the Yakut language: (comparative historical study)]*. Yakut-sk: Yakut-skoe knizhnoe izd-vo, **1986**.
25. Popov G. V. *Etimologicheskii slovar' yakut-skogo yazyka [Etymological dictionary of the Yakut language]*. Novosibirsk: Nauka, **2003**. 180 pp. (Pt. 1: A-D').
26. Sivtsev G. F. *Sakhalyy kylgas tyld'yt = Kratkii slovar' yakut-skogo yazyka: 3500 kerire tyl. Yakut-skai: Sakha sirineejj kinige izd-vota, 1979*.
27. Sleptsov P. A. *Sakha tylyn istoriyata: sakha filologiyatyn uonna kultuuratyn fakul'tetyn ustud'uonnarygar yorener kinige. D'okuuskai: Izd-vo YaGU, 2007*.
28. Timofeev-Tereshkin M. N. RF AYANTs SO RAN. F. 5. Op. 6. D. No. 71. 66 l.
29. Timofeev-Tereshkin M. N. *Na rubezhe dvukh epokh: memuary, vospominaniya, nauchnye trudy, stat'i, proizvedeniya, pis'ma, dokumenty [At the turn of two eras: memoirs, memories, scientific works, articles, works, letters, documents]*. Yakut-sk: Smik-Master. Poligrafiya, **2013**.
30. *Tolkovyi slovar' yakut-skogo yazyka [Explanatory dictionary of the Yakut language]*. Ed. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, **2006**. (Bukvy G, D, D', I).

Received 15.07.2022.